

Тареев М. М. О воскресении Христа: (Ответ о. диакону Н. М. Басову [по поводу его ст.: Что говорит новая русская апологетика в ответ на возражения отрицательной критики по вопросу о действительности воскресения Христова: Чтения в Об-ве любителей духовного просвещения] // Богословский вестник 1910. Т. 1. № 4. С. 657–667 (2-я пагин.).

О ВОСКЕСЕНИИ ХРИСТА.

(Отвѣтъ о. діакону Басову).

Эти строки я пишу въ отвѣтъ на статью діакона Н. М. Басова въ первыхъ трехъ книжкахъ возобновленнаго журнала „Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“—*Что говоритъ новая русская апологетика въ отвѣтъ на возраженія отрицательной критики по вопросу о дѣйствительности воскресенія Христова.*

О. Басовъ удостовѣряетъ (февр. 101), что „многія положенія проф. Тарѣева существеннаго значенія не только сродны, но и совершенно тождественны съ положеніями отрицательной критики, напр., о характерѣ евангельскихъ повѣствованій, о значеніи явленій Воскресшаго, о происхожденіи вѣры учениковъ въ воскресеніе ихъ Учителя и, наконецъ, о томъ, что представляетъ собою исторически фактъ воскресенія Христова“. Получается сильное впечатлѣніе: положенія профессора православной духовной академіи совпадаютъ съ тезисами отрицательной критики. Но почему же о. Басовъ скрываетъ отъ любителей духовнаго просвѣщенія тотъ фактъ, что эти основныя положенія въ моемъ трактатѣ выражены не моими словами, а словами церковно-православныхъ авторитетовъ: М. М. Филарета (о происхожденіи вѣры учениковъ въ воскресеніе ихъ Учителя), св. Іоанна Златоустаго и блаж. Теофилакта (о значеніи явленій Воскресшаго), ортодоксальнѣйшаго богослова М. Д. Муретова (о томъ, что представляетъ собою исторически фактъ воскресенія Христова). Вѣдь это дало бы совершенно иную картину. Напримѣръ, на стр. 111 о. Басовъ пишетъ: „если Тарѣевъ полагаетъ, что *воскресеніе Христа получило историческую плоть и кровь въ серб.*

цахъ вѣрующихъ, то здѣсь новая апологетика пользуется уже готовою формулою, которую мы читали у Ренана: *маленькая христіанская община совершила истинное чудо: она воскресила Иисуса въ своихъ сердцахъ интенсивною любовью, которую къ Нему питала*“. Но съ этою фразою Ренана о. діакону нужно было бы сопоставить не мои слова, а слова М. Филарета, которыя у меня приводятся на стр. 259 перваго изданія: „Въ ту минуту, какъ ученикъ, его же любяше Иисусъ, вступивъ во гробъ, *видѣ ризъ едины* лежащія, необыкновенно живая любовь необыкновеннымъ образомъ возбудила въ немъ вѣру; онъ не видалъ ничего болѣе, какъ отсутствіе погребеннаго Иисуса изъ гроба, но въ глубинѣ любящаго сердца ощутилъ, что живетъ Возлюбленный“. Вотъ чьи слова совпадаютъ съ формулою отрицательной критики. И *всѣ* мысли и выраженія, совпаденіе которыхъ съ тезисами отрицательной критики ставитъ мнѣ въ упрекъ о. діаконъ, заимствованы мною у названныхъ церковныхъ авторитетовъ. Таковы, между прочимъ, и фразы, что воскресеніе Христа было „торжествомъ вѣры“ Его учениковъ, что воскресеніе Христа было „историческимъ явленіемъ только по своимъ послѣдствіямъ и по славѣ Единороднаго отъ Отца въ обитаніи среди людей“ и т. д. Если бы о. діаконъ не скрылъ этого обстоятельства отъ читателей своей статьи, то не осталось бы повода и пищи для того паёса, съ какимъ его статья написана. Но какъ назвать этотъ приемъ умолчанія?

Далѣе о. діаконъ на стр. 170—172 мартовской книжки показываетъ рядомъ выписокъ, что я рекомендую до послѣдней степени уступить притязаніямъ отрицательной критики, которая представляетъ всѣ факты евангельской исторіи созданными фантазіей вѣрующихъ. О. діаконъ очень остроумно издѣвается надъ такою моею уступчивостью. Но дѣло въ томъ, что эта мнимая моя уступчивость создана исключительно „фантазіей“ о. діакона. Выписки берутся имъ не изъ перваго тома, въ которомъ обсуждается евангельская исторія, а изъ втораго тома (стр. 11 и 158), гдѣ идетъ рѣчь не о фактахъ евангельской исторіи, а объ историко-филологической базѣ евангельской проповѣди. „Нужно признать самую рѣшительную зависимость евангелія отъ ветхозавѣтнo-іудейскаго языка, но вмѣстѣ съ тѣмъ евангеліе по своему содержанію остается наиболѣе оригинальною проповѣдью въ

исторіи религіи“. О томъ же, что отрицательной критикѣ нужно уступить въ вопросѣ о фактахъ евангельской исторіи, что нужно отказаться отъ всѣхъ фактовъ евангельской исторіи—этой окончательно нелѣпой и безповоротно дикой мысли у меня абсолютно нигдѣ нѣтъ. Общій взглядъ на фактическую достовѣрность евангельской исторіи на стр. 138 перваго тома во 2 изданіи (стр. 13—14 изд. 1) у меня выраженъ такъ: „Полная и незыблемая достовѣрность нашихъ евангелій утверждается ихъ внутреннимъ характеромъ... Апостолы не могли выдумать евангельской исторіи. Четвероевангеліе не можетъ быть признано выдуманнѣмъ произведеніемъ“. То же на стр. 148. Мой оффиціальнѣй рецензентъ профессоръ М. Д. Муретовъ заявилъ обо мнѣ (Журналы Совѣта М. Д. А. за 1904 г. стр. 185—186): „Авторъ беретъ четвероевангеліе догматически въ ихъ современномъ церковномъ видѣ“! Ни одного факта евангельской исторіи я не уступаю отрицательной критикѣ.

Что же значить *выдумка* о діаконѣ Басовѣ?

Также и въ вопросѣ о воскресеніи Христа. Я признаю историческимъ фактомъ все, о чемъ въ евангеліи повѣствуется какъ объ историческомъ фактѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что о. діаконъ Басовъ, по мнѣнію котораго я считаю воскресеніе Христа вымысломъ (февр. 114), не могъ сдѣлать мнѣ ни одного фактическаго возраженія. Всѣ свои возраженія противъ меня онъ сводитъ къ слѣдующему: „при явленіяхъ Воскресшаго ученики внимали рѣчамъ, которыя далеко не были отголоскомъ ихъ собственныхъ мыслей, которыя противорѣчили имъ въ пунктахъ самыхъ дорогихъ для ихъ сердець,—доказательство, что здѣсь находился Онъ Самъ. Эти, совершенно личныя, непосредственныя обращенія Воскресшаго и перерождали и преобразовывали вѣру учениковъ“. Но это именно мысли, которыя высказаны мною. Я писалъ: „Явленія Воскресшаго были духовнымъ общеніемъ съ Нимъ учениковъ. Когда Онъ явился Маріи Магдалинѣ, она не узнала Его по виѣшнему виду и не могла прикоснуться къ Нему, однако она узнала отъ Него, что Онъ восходитъ къ Отцу. Когда Онъ шелъ съ двумя учениками въ Эммаусъ и извѣсняя имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи, то глаза ихъ были удержаны, такъ что они не узнали Его, однако сердце ихъ горѣло въ

нихъ. Впрочемъ все это были явленія подготовительныя; центральнымъ изъ явленій Воскресшаго было явленіе Его одиннадцати: тогда Онъ вдунулъ въ нихъ Духа Святаго“ и т. д. (1 изд. стр. 269—270; 2 изд. стр. 355). Самъ о. діаконъ заявилъ, что онъ имѣлъ „истинное удовольствіе“ прочитать „на заключительныхъ страницахъ“ моей книги „признаніе, что реальность духовнаго общенія учениковъ съ Воскресшимъ есть историческая дѣйствительность и, притомъ, рѣшающаго значенія“, но о. діаконъ увѣряетъ, что это и подобныя мои признанія являются не послѣдовательностью съ моей стороны (мартъ 177), что я къ такой непослѣдовательности былъ чѣмъ-то *вынужденъ* (ф. 107), что я не могу „считать себя вправѣ“ высказывать такія утвержденія, что „мнѣ не принадлежитъ эта основа“ (110) ¹⁾. Но почему же я не имѣю права дѣлать этихъ признаній? Въ чемъ у меня непослѣдовательность? Объ исторической дѣйствительности фактовъ евангельской исторіи и, въ частности, воскресенія Христова я говорю уже въ приведенныхъ выше мѣстахъ философіи евангельской исторіи, также въ самомъ началѣ отдѣла о воскресеніи Христа (стр. 341: вѣра апостоловъ служить условіемъ исторической дѣйствительности Христова воскресенія); также стр. 342: воскресеніе Христа было свидѣтельствомъ дѣйствительности Его вѣчной духовной жизни; 342—348: жизнь Христа безъ послѣдовавшаго воскресенія Его и восшествія къ Отцу была бы зданіемъ безъ верха, символомъ безъ реального блага, шепотомъ безъ слышнаго звука и пр. 345: „духовностью“ не исключается соматичность и пр. 346: апостолы видѣли воскресшаго Христа и т. д.

Поводъ ко всякаго рода перетолкованіямъ моего трактата о воскресеніи Христа даетъ то обстоятельство, что я, поставивъ предметомъ этого трактата не „вопросъ о дѣйствительности воскресенія Христа и не чудесность этого факта, а

¹⁾ Тотъ же приемъ *недовѣрія* моимъ прямымъ словамъ и внесенія въ нихъ *чуждаго* толкованія открыто употреблялъ и о. Лаврскій, какъ это мною отмѣчено уже въ Б. В. 1904 іюнь стр. 346 сл. Это обычное недовѣріе, это подозрѣніе всякаго писателя въ хитрости и лукавствѣ (см. особенно *картину*, въ какой меня рисуетъ о. діаконъ Басовъ на стр. 100 февр.)—эта психологія въ нашемъ вѣдомствѣ. очевидно, воспитывается какими-то общими причинами.

его смыслъ, сущность его значенія“ (Бог. В. 1903 май стр. 1 и Философія ев. ист. 1 изд.), въ частности разъясняю, во-первыхъ, общецерковное ученіе, что Христось воскресъ, какъ и мы воскреснемъ, въ тѣлѣ духовномъ, а не въ тѣлѣ душевномъ, и, во-вторыхъ, выясняю связь воскресенія Христа съ уничтоженіемъ земной жизни Христа и съ вѣрою апостоловъ. Разумѣя то, что лишь воскресеніе Христа въ тѣлѣ душевномъ дало бы право называть его *внѣшнимъ* событіемъ, я пишу: „воскресеніе Христа не представляетъ внѣшняго событія: оно—предметъ апостольской вѣры и духовный результатъ Христова подвига, при чемъ вѣра апостоловъ входитъ въ объемъ этого результата и вмѣстѣ съ тѣмъ служить условіемъ исторической дѣйствительности Христова воскресенія“ (2 изд. 341). „Воскресеніе Христа было естественнымъ слѣдствіемъ Его нравственнаго подвига и, только въ этой внутренно-причинной связи съ Его уничтоженіемъ,—вѣнцомъ Его жизни“ (342). „Воскресеніе Христа было *вмѣстѣ съ тѣмъ и одновременно* воскресеніемъ вѣры апостоловъ. Только въ этой связи съ воскресеніемъ вѣры воскресеніе Христа можетъ быть названо *причиною* возрожденія апостоловъ,—только въ томъ смыслѣ, что воскресеніе Христа было высшимъ торжествомъ вѣры учениковъ Его“ (343). Последнее выраженіе, что воскресеніе Христа и явленія Воскресшаго были „окончательнымъ торжествомъ вѣры надъ невѣріемъ“ взяты мною у проф. М. Д. Муретова (см. цитаты 1 изд. стр. 260.—261). У него же я выписываю (1 изд. стр. 255) фразу, что воскресеніе, какъ и воплощеніе Бога—Слова, было „историческимъ явленіемъ только по своимъ послѣдствіямъ и по славѣ Единороднаго отъ Отца въ обитаніи среди людей... Поэтому евангелисты не дали и дать не могли строго историческаго и подробнаго описанія исходныхъ событій евангелія — его начала и конца, рожденія и воскресенія Христова“. Во второмъ изданіи эту выписку я замѣнилъ такими словами: „воскресеніе Христа, какъ и воплощеніе въ Немъ божественнаго Слова, не были историческими явленіями въ своей метафизической отвлеченности, но получали историческую плоть и кровь только въ сердцахъ вѣрующихъ“ (346). Къ этому же циклу относится фраза въ 1 изд. стр. 296: „воскресеніе Христа, какъ историческій фактъ, было *вмѣстѣ* воскресеніемъ учениковъ,

умершихъ съ Нимъ“ и во 2 изд 355: „воскресеніе Христа, какъ историческій фактъ, было воскресеніемъ учениковъ, умершихъ съ Нимъ“. Общая мысль во всѣхъ этихъ изреченіяхъ очень ясна: воскресеніе Христа, въ своей метафизической отвлеченности, какъ воскресеніе въ духовномъ тѣлѣ, будучи дѣйствительнымъ, реальнымъ, соматичнымъ, не можетъ быть само по себѣ чувственно представлено, наглядно описано,—такую историческую изобразительность оно пріобрѣтаетъ лишь въ связи съ пространственно - временными и душевно-чувственными переживаніями учениковъ¹⁾. Съ этимъ

1) Слабо понимая, въ чемъ сущность вопроса, о діаконъ направляетъ противъ меня слѣдующее разсужденіе (ф 106). „Если безспорно, что никто не былъ свидѣтелемъ самаго воскресенія, то это обязываетъ насъ только не забывать традиціоннаго различія въ вопросѣ о воскресеніи Христовомъ двухъ сторонъ, каковыми являются дѣйствительность воскресенія и образъ его, или, какъ выражаются нѣмецкіе богословы: die Tatsächlichkeit und das Wie der Auferstehung. Какъ произошло воскресеніе Христа, это и традиціонная апологетика всегда относила къ числу истинъ сверхъестественныхъ, неостыжимыхъ, но по выраженію Грюдмахера, die Unvorstellbarkeit der Auferstehung Jesu beweist ihre Unwirklichkeit noch nicht и, посколькѣ можетъ быть рѣчь о воскресеніи Христовомъ съ точки зрѣнія его дѣйствительности, оно въ евангельскихъ повѣствованіяхъ избыточествуетъ признаками не только необычайнаго чуда, но и, въ полномъ смыслѣ, событія историческаго; указываются: время событія, мѣсто его, условія и обстановка его, обстоятельства, предшествовавшія ему и непосредственно слѣдовавшія за нимъ“. Но эти разсужденія не идутъ противъ меня; я именно самъ такъ разсуждаю. Я именно различаю дѣйствительность, реальность, соматичность воскресенія отъ его исторической, чувственной являемости. Мое различіе отъ о. діакона единственно въ томъ, что я историческую сторону воскресенія (время, мѣсто и т. д.) не считаю самую дѣйствительностью воскресенія, ибо все это не есть то, чѣмъ было воскресеніе само по себѣ, но то, въ чемъ оно переживалось апостолами, ибо не только условія и обстановка воскресенія обстоятельства предшествовавшія и послѣдовавшія не составляютъ самаго воскресенія, но духовное тѣло стояло также выше пространственно-временной ограниченности. Что воскресеніе Христа само по себѣ было, дѣйствительнымъ, реальнымъ, соматичнымъ и что оно въ обстоятельствахъ пространства и времени, въ обстановкѣ, сопровождавшей его, стало историческимъ фактомъ, историческою являемостью, внѣшнимъ событіемъ—это я принимаю всѣми силами своей души. Стр. 345 „Духовностью не исключается соматичность, но ею исключается земной, душевный характеръ тѣлесности, ея чувственность какъ со стороны собственныхъ земныхъ интересовъ, такъ и со стороны доступности внѣшнимъ чувствамъ. *Божественная дѣйствительность* доступна лишь очамъ

вполнѣ сообразно евангельское повѣствованіе о томъ, что вѣра въ воскресеніе Христа возникла раньше явленій Воскресшаго и что Воскресшій являлся только вѣрующимъ. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ можно спорить о терминологіи, но самая мысль ясна какъ Божій день.

Что же дѣлаетъ о. діаконъ Басовъ? Онъ въ своемъ изложеніи и перетолкованіи *совершенно искажаетъ мою мысль* и достигаетъ этого *повидимому самымъ незначительнымъ измѣненіемъ словъ* и преимущественно упорною игрою съ словомъ *только* ¹⁾. По его словамъ, я признаю „не событіе воскресенія, но *только* идейно-практическое, религиозно-творческое изображение“ его (ф. 102), признаю воскресеніе „*только* дѣломъ вѣры учениковъ“ (105), показываю въ немъ „*только* вѣру отъ вѣры“ (113), считаю его „*только* заключительнымъ періодомъ въ религиозномъ сознаніи учениковъ“ (115), думаю, что Христось „*только* сталъ не видимъ“ (116), утверждаю, что „воскресеніе Христово, какъ фактъ историческій, было *только* воскресеніемъ учениковъ умершихъ съ нимъ“ (м. 179). И такъ далѣе съ утомительнымъ однообразіемъ на цѣлыхъ десяткахъ страницъ. Во всѣхъ этихъ выраженіяхъ преступность съ православной точки зрѣнія создается единственно словомъ *только*, и оно вносится въ мою рѣчь критикомъ—обвинителемъ произвольно. Я, какъ и профессоръ Муретовъ, различая божественную дѣйствительность воскресенія отъ чувственно-исторической являемости Воскресшаго, признаю, что воскресеніе Христа чувственно-историческую являемость принимало только по вѣрѣ апостоловъ ²⁾, а о

вѣры и становится *для этого міра дѣйствительностью* подъ условіемъ вѣры“ О. діаконъ Басовъ, очевидно, философски не образованный человекъ.

¹⁾ Игра эта дѣло не новое. Въ свое время я писалъ о прот. Лаврскомъ (Б В 1904 июнь 350 : „По словамъ прот. Лаврскаго, я утверждаю, что Христось воскресъ *только* духовно“. Уже то одно, что критикъ нѣсколько разъ повторяетъ это изреченіе, показываетъ, что оно составляетъ гвоздь въ рѣзкомъ обвиненіи прот. Лаврскаго. И вотъ представьте себѣ, читатель, во всей моей статьѣ о воскресеніи нѣтъ такого выраженія „Христось воскресъ *только* духовно“ и т. д. Ср у о Басова м 160 „*только* духовно“ ¹

²⁾ Для любознательныхъ я напому, что въ своей системѣ (см. т. 2 стр 185—186 дал т 3 стр 120 и мн. др. м) я полагаю строгое различіе между божественною дѣйствительностью и ея явленіемъ въ этомъ вѣщ-

Басовъ мнѣ приписываетъ мнѣніе, что вся дѣйствительность воскресенія исчерпывалась только вѣрой апостоловъ. Въмѣсто моего выраженія: „воскресеніе Христа было вмѣстѣ съ тѣмъ воскресеніемъ вѣры апостоловъ“, „воскресеніе Христа, какъ историческій фактъ, было вмѣстѣ воскресеніемъ учениковъ“, онъ приписываетъ мнѣ безусловное мнѣніе, что воскресеніе было *только* дѣломъ вѣры, *только* воскресеніемъ апостоловъ. Въмѣсто моего (предполагающаго, согласно съ блаж. Теофилактомъ, различіе между духовною тѣлесностью Христа и чувственною переходною тѣлесностью) выраженія: „*переходная* тѣлесность была отраженіемъ переходнаго состоянія въ вѣрѣ учениковъ“ (356 стр.), онъ приписываетъ мнѣ абсолютное мнѣніе, что (вообще) „тѣлесность явленій Воскресшаго это *лишь* отраженіе переходнаго состоянія въ вѣрѣ апостоловъ“ (ф. 99, 115). Въмѣсто моего выраженія о *связи* между воскре-

---

немъ міръ: послѣднее я и приписываю вѣрѣ, которая и будетъ излишнею въ загробной жизни. Такъ т 2 стр 186: „Блаженство божественной любви переживаетъ человѣкомъ, который сознаетъ себя сыномъ Божиимъ, въ качествѣ самоочевидной реальности. И поскольку это есть абсолютная любовь, блаженство въ своей собственной мощи оказывается неистощимымъ и безпредѣльнымъ. Однако эта мощь внутренняго блаженства не покрываетъ природно исторической жизни, и послѣдняя противостоитъ богосыновнему самосознанію въ значеніи *внѣшняго* матеріала, который еще предстоитъ преодолѣть. Въ отношеніи къ этой *внѣшней* реальности богосыновство опредѣляется *вѣрою*“. Т. 3 стр. 120—122: „Сущность вѣры не въ одномъ только признаніи, что *Богъ существуетъ*, а въ увѣренности, что этотъ невидимый міръ существуетъ для меня, что онъ для меня, въ этой жизни, можетъ стать дѣйствительностью, что я могу жить имъ въ этомъ мірѣ. *Существующее внѣ* человѣка, невидимое *божественное* сялоу *вѣры* становится дѣйствительностью *для него*. *Божественная* любовь *существуетъ* внѣ человѣка. Любовью *для* человѣка она становится *черезъ вѣру*“. И т. д.

Вообще въ моихъ книгахъ даны не отрывочные трактаты, а цѣльная система, и не объясненнаго въ одномъ мѣстѣ всегда нужно искать въ другомъ мѣстѣ. Каждый терминъ выясняется въ связи цѣлой системы.

О. Басовъ въ одномъ мѣстѣ (ф. 100) ехидно рисуетъ картину, въ которой представляетъ меня ловко разсчитывающимъ, какой мнѣ удобнѣе взять курсъ въ вопросѣ о воскресеніи. Смѣю увѣрить о діакона, что эта картина не соответствуетъ дѣйствительности. Трактатъ о воскресеніи (по подсчету о діакона составляющій всего 18 страницъ) есть лишь органическая часть перваго тома, который составляетъ часть пяти-томной системы. Для меня вопросъ о воскресеніи, какъ и всякій другой частный вопросъ, предрѣшается всею системою

сеніемъ апостольской вѣры и воскресеніемъ Христа“ (343), онъ утверждаетъ (ф. 102 и м. 178) что я „объясняю воскресеніе Христово *въ всякой связи съ событіемъ воскресенія*“. Вмѣсто моего выраженія, что „воскресеніе Христа было *одновременно* воскресеніемъ вѣры“ онъ пишетъ (ф. 106), что, по моему мнѣнію, „воскресеніе Спасителя совершилось *прежде всего* въ сердцахъ вѣрующихъ“. Вмѣсто моего утвержденія, что воскресеніе Христа не было *внѣшнимъ* событіемъ, онъ присвоиваетъ (ф. 115) мнѣ мысль, что „воскресеніе Спасителя не есть *особое* событіе“¹⁾. И такъ далѣе. Вся статья о. діакона есть мелочная и упорнѣйшая фальсификація моей рѣчи.

Продолжайте, о. діаконъ, въ этомъ же родѣ. У меня въ 1 т. стр. 152 сказано, что „Христось былъ дѣйствительный человѣкъ“,—обвиняйте меня въ томъ, что я считаю Христа *только* человѣкомъ, и сдѣлайте параллельныя выписки изъ сочиненій Толстого. Во 2 т. раскрывается ученіе, что Богъ есть любовь и на стр. 181 сказано, что „любовь по суще-

---

1) И о. діаконъ авторитетно меня поучаетъ: „вѣра не могла быть условіемъ исторической дѣйствительности воскресенія Христова безъ особаго воздѣйствія на нее свыше“ (ф. 108). *Выше всякаго сомнѣнія* Это я давно знаю. Въ 3 т. стр. 120 я пишу: „Въ какой бы то ни было области, творчество челоѣка ограничивается воспріятіемъ, воспроизведеніемъ и воображеніемъ, матеріализаціей, воплощеніемъ идеи. Такому же ограниченію подлежатъ и творчество вѣры. Существующее внѣ челоѣка, невидимое божественное силою вѣры становится дѣйствительностью для него“. Вся моя система проникнута убѣжденіемъ, что божественное дано не въ результатѣ, а въ вачальномъ исходѣ міровой и челоѣческой жизни. На этомъ основанія я не согласенъ съ идеализмомъ. (См. т. 5 стр. 201—202). Все дѣло воскресенія было дѣломъ двухъ факторовъ: божественной дѣйствительности и челоѣческой вѣры. Последняя была лишь условіемъ, подъ которымъ божественная дѣйствительность воскресенія становилась чувственно-историческимъ явленіемъ. Поэтому я не долженъ говорить, что воскресеніе было *только* дѣломъ вѣры. Я этого и не говорю, это мнѣ лишь приписываетъ о. діаконъ. Различіе между мною и о. діакономъ, также старающимъ я не смѣшивать сверхчувственной-непостижимой и внѣшней стороны воскресенія (ф. 105), въ томъ, что о. діаконъ, по своей философской необразованности, *видѣніе* апостолами Воскресшаго считаетъ событіемъ, имѣвшимъ мѣсто *послѣ* ихъ опыта. О. діаконъ свою статью достаточно показалъ, что онъ усвоилъ самоучитель англійскаго языка. Ему теперь нужно научиться *мыслить* и *понимать* О пристойности рѣчи я уже не говорю. Этому не учатся. Это дается только *воспитаніемъ*.

ству божественна“. Кричите: проф. Тарѣвъ считаетъ Бога только любовью и въ этомъ совпадаетъ съ Фейербахомъ. Въ т. 3 стр. 136 я говорю, что христіанское воодушевленіе „служить *символическимъ* предвареніемъ будущаго откровенія сыновъ“. Пишите, о. діаконъ, что я признаю Св. Духа *только* символомъ христіанской жизни и процитуйте Ричля...

Вы пишете въ одномъ мѣстѣ: какъ назвать этотъ *новый* принципъ, рекомендуемый проф. Тарѣвымъ?

Я спрашиваю: какъ назвать этотъ *старый* приемъ, практикуемый о. діакономъ Басовымъ?

Вы ставите вопросъ: къ какому роду литературы отнести мой трактатъ о воскресеніи Христа? Вы находите, что онъ относится къ категоріи назидательныхъ произведеній.

А къ какому роду литературы относится Ваша статья, о. діаконъ? Конечно, она не имѣетъ ничего общаго съ наукой. Она принадлежитъ къ той словесности, которая мягко именуется злостной диффамацией и подлежитъ вѣдѣнію суда.

Но я ограничусь обращеніемъ къ суду честныхъ людей. Я Васъ вызываю, о. діаконъ, на послѣднее состязаніе: формулируйте Ваше окончательное сужденіе обо мнѣ, а я дамъ рѣшительный и ясный отвѣтъ на вопросъ о дѣйствительности Христова воскресенія. И предоставимъ суду честныхъ людей рѣшить, я ли „расчетливо“ (какъ Вы выражаетесь) держусь отрицательной тактики, или Вы „по какому-нибудь практическому расчету“ держитесь очень некрасивой тактики.

Вы пишете обо мнѣ (ф. 115): „Сводя къ итогу свои впечатлѣнія отъ статьи проф. Тарѣва, что же мы получаемъ? . Оказывается, что можно даже не употреблять выраженія: воскресеніе Христа. Воскресеніе Христа не есть особое событіе, или состояніе, въ жизни лично Спасителя, въ которую оно, по выраженію Тарѣва, не внесло ничего новаго, а представляетъ собою только заключительный періодъ въ религіозномъ сознаніи учениковъ. Воскресеніе Христа—это, просто, подъемъ, возрожденіе, окончательное утвержденіе, наивысшій моментъ вѣры апостоловъ въ нхъ, тѣлесно умершаго, Учителя“.

А вотъ что у меня написано на самомъ дѣлѣ—и это можетъ читать всякій, желающій честно знать истину. Т. 2 стр. 358: „Какъ для первыхъ вѣрующихъ дѣйствительность

воскресенія Христова не была субъективною мечтою, но Онъ являлся всему ихъ обществу, съ объединявшею ихъ объективностью Его явленій, и Духъ Святой открылся въ ихъ собраніи въ видимыхъ дарахъ; такъ и въ церковности сыновъ воскресенія дано условіе объективной парусіи имъ Христа. Какъ сыны воскресенія живы для Бога и живы другъ для друга, такъ и для нихъ живъ Христосъ“. Т. 3 стр. 144: „Воскресеніе Христа изъ мертвыхъ, какъ начало всеобщаго воскресенія, предполагается цѣлями мірового творенія, завершаетъ все дѣло Христа и оправдываетъ нашу духовную жизнь. Если Христосъ не воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ, если мы, христіане, не воскреснемъ, то тщетна вѣра наша“. Бог. Вѣст. 1903 г. іюнь 214: „воскресеніе изъ мертвыхъ составляетъ величайшее христіанское чаяніе; воскресеніе Христа образуетъ краеугольный камень христіанства. Если бы Христосъ умеръ и не воскресъ, то христіанство было бы только ученіемъ; если бы христіанство было только ученіемъ, то это было бы самое странное ученіе и мы были бы самыми несчастными изъ людей. Но Христосъ воскресъ: христіанство есть не только ученіе, оно есть жизнь“.

Что же, требуется комментарий?!

Мнѣ не трудно распутать всякое такое хитросплетеніе, какъ эта критика о. діакона. Но мнѣ очень трудно *постоянно* ограждать отъ покушеній злостной диффамациі.

Я откровенно скажу: подъ напоромъ этого моря злобы и ненависти я себя чувствую мученикомъ.

Мнѣ недавно писалъ одинъ изъ моихъ случайныхъ корреспондентовъ о моихъ богословскихъ трудахъ: „Вы совершили такое дѣло, которое естественно вызываетъ или любовь и восторгъ или ненависть“.

Можетъ быть. Я получаю десятки восторженныхъ писемъ. Но почему *явно* открывается только ненависть? Развѣ она энергичнѣе любви? Или просто она выгоднѣе, и обстоятельства, дѣлая робкихъ учениковъ Никодимами, придаютъ особую наглость людямъ извѣстнаго сорта?

М. Таръевъ.